

значение въ исторії Россіи. Вы здѣсь ничего не слышите объ извѣстномъ исторіи и желаній Сперанскаго „пріуготовить Россію къ восприятію истинныхъ (т. е. конституціонныхъ М. Л.) формъ монархического правленія“ и тѣмъ способствовать развитію правосознанія русскаго народа. Можно спорить, и едва ли съ успѣхомъ, противъ возможности отдѣльной личности развивать право, сообразно съ развитіемъ общественного строя¹⁾). Но Толстой не только не признаетъ личности какъ законодателя, но и самое законодательство считаетъ праздной работой.

Исторический процессъ преобразованія Россіи сверху и историческая личность Сперанскаго преломились черезъ случайную, психологически-каризмную призму недовольного героя „Войны и Мира“ и получилась изъ общественной дѣятельности безсмыслица: „князь Андрей живо представилъ себѣ Богучарово, свои занятія въ деревнѣ... вспомнилъ мужиковъ, Драна-старосту, и, приложивъ къ нимъ права лицъ, которыхъ онъ распредѣлялъ по параграфамъ, ему стало удивительно, какъ онъ могъ такъ долго заниматься такой праздной работой“²⁾.

Рядомъ съ двумя фигурами Наполеона и Сперанскаго, Толстой выводить еще одинъ типъ исторического дѣятеля, московскаго ген.-губернатора Растопчина.

Растопчинъ дѣйствительно представляетъ собою гадкое зрѣлище глупца, волею судебъ очутившагося въ серьезный моментъ во главѣ громаднаго города и не имѣвшаго „ни малѣйшаго понятія о томъ народѣ, которымъ онъ думалъ управлять“. Вся его дѣятельность говоритъ о сумбурной безнomoщности: „этотъ человѣкъ не понималъ значенія совершающагося события, а хотѣлъ что-то сдѣлать самъ, удивить кого-то, что-то совершить патріотически-геройское, и, какъ мальчикъ, рѣзвился надъ величавымъ и неизбѣжнымъ событиемъ оставленія и сожженія Москвы и старался своей маленькой рукой то поощрять, то задерживать теченіе громаднаго, уносившаго его вмѣстѣ съ собою, народнаго потока“³⁾). Вся его дѣятельность неописуемо пошла и глупа; вся его афишки съ увѣреніями, что французы „отъ капусты раздуются, отъ каши перелопаются, отъ щей задохнутся, что они всѣ

1) Профессоръ Л. Петражицкій въ своей „Теоріи права“ прямо говоритъ, что „одно лицо или извѣстная группа можетъ по своему усмотрѣнію вызывать въ психикѣ обширныхъ народныхъ массъ такое право на будущее время, какое ему или ей представляется съ какой-либо точки зрѣнія желательнымъ, а равно устраниТЬ, отмѣнить существующее право и производить разныя другія измѣненія въ чуждой психикѣ и жизни“.

2) „В. и М.“ Т. II стр. 256.

3) Ibid. Т. III стр. 344.